

БОРЬБА СОВЕТСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА ПРОТИВ ФАШИСТСКОГО ОККУПАЦИОННОГО РЕЖИМА

В. М. Гриднев

Борьба советского крестьянства против оккупационного режима явилась важнейшим фактором срыва грабительских планов фашистской Германии и провала ее аграрной политики на временно захваченной территории СССР. Изучение форм и методов этой борьбы позволяет во всей полноте показать патриотический подвиг советского крестьянства, его вклад в дело победы над фашистской Германией.

Советские граждане, оказавшиеся на захваченной врагом территории, вели борьбу против оккупантов всеми доступными им средствами. Наиболее активной формой борьбы было партизанское движение. Естественно, что внимание исследователей было направлено преимущественно на изучение партизанского движения, деятельности подпольных партийных и комсомольских организаций в годы Великой Отечественной войны и т. п. В то же время такие формы борьбы, как саботаж мероприятий оккупационных властей, сопротивление аграрной политике оккупантов, уклонение от угона в Германию, отказ служить старостами, полицейскими, исследовались недостаточно. Между тем их изучение позволяет глубже понять отношение советских крестьян к оккупационному режиму, их патриотизм, преданность Советской власти, колхозному строю. В данной статье предпринимается попытка на материалах западных и северо-западных районов РСФСР рассмотреть эти формы борьбы сельских жителей против фашистской оккупационной политики. В основу статьи положены ранее не публиковавшиеся архивные документы, характеризующие противодействие советских граждан мероприятиям хозяйственных органов оккупантов. Эти сюжеты частично затрагивались в обобщающих трудах по истории Великой Отечественной войны, Коммунистической партии Советского Союза¹, областных партийных организаций², в некоторых монографиях и статьях, посвященных партизанскому движению и партийному подполью в годы войны, а также в ряде диссертаций³.

¹ «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945». Тт. 2—6. М. 1961—1964; «Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история». 2-е изд. М. 1970; «История Коммунистической партии Советского Союза». Т. 5, кн. 1. М. 1970.

² «Очерки истории Ленинградской организации КПСС». Ч. II. Л. 1968; «Очерки истории Брянской организации КПСС». Тула. 1968; «На земле Новгородской. Очерки по истории Новгородской области». Л. 1970; «Псковский край в истории СССР. Очерки истории». Л. 1970; «Очерки истории Смоленской организации КПСС». М. 1970; «Очерки истории Псковской организации КПСС». Л. 1971.

³ П. И. Курбатова. Смоленская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Смоленск. 1958; А. И. Залесский. В партизанских краях и зонах. Патриотический подвиг советского крестьянства в тылу врага (1941—1944 гг.). М. 1962; его же. В тылу врага. Борьба крестьянства Белоруссии против социально-экономических мероприятий немецко-фашистских оккупантов. Минск. 1969; Л. А. Моисеева. Героические подвиги колхозного крестьянства Псковщины в годы Великой Отечествен-

Всенародную борьбу против немецко-фашистских захватчиков возглавляла Коммунистическая партия. Она вдохновляла советский народ на защиту социалистических завоеваний и независимости нашего государства. Основными документами Коммунистической партии и Советского правительства по вопросам организации всенародной борьбы против фашистских захватчиков явились «Директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков» от 29 июня и Постановление ЦК ВКП(б) от 28 июля 1941 г. «Об организации борьбы в тылу германских войск»⁵. Эти документы стали программой действий партийных и советских органов. Массовая борьба крестьянства против оккупационного режима должна была решить две главные задачи: помешать оккупантам использовать в собственных интересах трудовые ресурсы и сельскохозяйственное сырье и оказывать всемерную поддержку частям Красной Армии в изгнании захватчиков с советской земли.

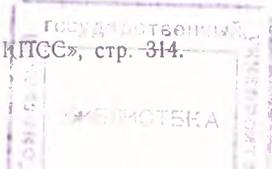
Руководствуясь директивными указаниями ЦК ВКП(б), партийные организации западных и северо-западных районов РСФСР создавали подпольные руководящие органы, ячейки и группы. Уже осенью 1941 г. в захваченных немецкими войсками районах Ленинградской области действовали 392 подпольные организации и группы⁶. В районах Смоленской области на подпольной работе находились члены бюро горкомов и райкомов ВКП(б). В декабре 1941 г. на оккупированной территории области подпольно работали 49 первичных партийных организаций⁷. Важное место в деятельности подпольных партийных организаций занимала политико-воспитательная работа среди сельского населения. Задача состояла в том, чтобы, используя самые различные способы и средства пропаганды, раскрывать цели фашистской Германии в войне против Советского Союза, укреплять веру крестьянских масс в победу над врагом, поднимать их на активную борьбу с захватчиками.

ной войны. «Ученые записки» Псковского пединститута. Вып. 19. 1964; е е же. Колхозное крестьянство северо-западных областей РСФСР в борьбе за сохранение колхозов и Советов в тылу врага. Там же; е е же. Производственная деятельность Советов северо-западных районов РСФСР на временно оккупированной врагом территории в годы Великой Отечественной войны. «Тезисы докладов научно-теоретической конференции кафедры истории КПСС Псковского пединститута». Псков. 1966; е е же. Специфика органов Советской власти на временно оккупированной врагом территории северо-западных областей РСФСР (1941—1944 гг.). «Материалы научной конференции кафедры истории КПСС Псковского пединститута». Псков. 1967; М. М. Загорюлько, А. Ф. Юденков. Крах экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР. М. 1970; В. М. Стельмах. По зову сердца, по зову коммуниста. Из опыта деятельности партийного подполья на оккупированной территории западных областей. 1941—1943 гг. Тула. 1970; «Герои подполья. О подпольной борьбе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны». М. 1970; «Народная война в тылу врага. К истории партизанского движения в Калининской области». М. 1971; А. Ф. Юденков. Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории (1941—1944 гг.). М. 1971; Н. И. Макаров. Политическая работа партии среди населения в тылу немецко-фашистских оккупантов (1941—1944 гг.). «Вопросы истории КПСС», 1971, № 9. Т. Г. Дандыкин. Организаторская деятельность партии по налаживанию военно-хозяйственной и политической жизни в партизанских краях и зонах. На материалах центральных областей РСФСР, оккупированных врагом (1941—1943 гг.). Автореф. канд. дисс. Брянск. 1972; Н. Я. Николаев. Деятельность Минской областной комсомольской организации в тылу врага в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944 гг.). Автореф. канд. дисс. Минск. 1971; Л. А. Холод. Деятельность органов Советской власти на временно оккупированной врагом территории северо-западных областей РСФСР в годы Великой Отечественной войны (1941—1944 гг.). Автореф. канд. дисс. Л. 1972, и др.

⁵ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Т. 6. Изд. 8-е, стр. 17, 23.

⁶ «Герои подполья», стр. 383.

⁷ «Очерки истории Смоленской организации КПСС», стр. 314.

В исключительно сложных условиях оккупации партийные организации находили самые разнообразные формы и методы политической работы. Широко распространялись среди населения оккупированных районов листовки, отпечатанные на «Большой земле», в подпольных типографиях, написанные от руки. Партийные организации с помощью газет, листовок, устной пропаганды призывали труженников села оказывать врагу массовое сопротивление. Ленинградский обком партии совместно с Ленинградским штабом партизанского движения только за период с 1 января по 1 июля 1943 г. забросил в тыл противника 1 888 800 листовок, Смоленский обком ВКП(б) в течение 9 месяцев 1943 г. — 1,5 млн. листовок. Общий тираж газет, заброшенных в оккупированные районы Ленинградской области с начала войны до освобождения, составил почти 2 млн. экземпляров. В Смоленской области с мая 1942 по сентябрь 1943 г. вышел 71 номер спецвыпуска «Малютка» общим тиражом почти 10 млн. экземпляров⁸.

Действенной формой работы с массами были беседы и собрания. На территории Сычевского района, Смоленской области, из членов и кандидатов партии был создан агитколлектив в составе 21 человека. Они распространяли среди населения газеты, листовки, брошюры, обращения РК ВКП(б) и райисполкома. К 1943 г. в районе было распространено 43 тыс. экземпляров печатных изданий, проведено 648 собраний и бесед, на которых присутствовало 20 059 человек⁹. В начале 1942 г. подпольными райкомами партии Смоленской области были направлены в Дорогобужский район 253 агитатора и чтеца, в Батурицкий — 127 агитаторов, в Знаменский — 51 агитатор¹⁰. Агитаторы 10-го отделения политотдела 34-й армии, заброшенные на оккупированную территорию Ленинградской области, в январе 1942 г. провели беседы среди крестьян деревень Гадово, Б. Жабы, Ляды, Шутовка, Озерки и Гари, Залучшского района. Кингисеппский партийный центр (Ленинградская область) в январе — сентябре 1942 г. провел 150 бесед. Активную политическую работу среди сельского населения вели пропагандисты и агитаторы 20 групп 5-й Ленинградской партизанской бригады (она действовала в районе Луги и Новгорода). Партийная организация 3-й Ленинградской бригады провела в ноябре — декабре 1942 г. свыше 100 собраний. В деревнях Середкинского, Новосельского, Карамышевского и Псковского районов, Псковской области, с 1 марта по 1 июля 1943 г. подпольщики провели 25 массовых собраний, в Плюсском и Лядском районах осенью и зимой 1942/1943 гг. общие собрания прошли в 7 деревнях. С 10 марта по 20 июля 1943 г. 5-я спецгруппа Ленинградского обкома ВКП(б) провела 38 собраний. В Порховском районе свыше 10 тыс. человек приняли участие в собраниях, проведенных летом 1943 года¹¹.

В своих планах экономического порабощения оккупированных районов гитлеровцы предусматривали захват сельскохозяйственного сырья для обеспечения нужд войск и населения Германии¹². Поэтому важнейшей задачей партийных и советских организаций, действовавших во вражеском тылу, был срыв экономических мероприятий оккупационных властей по эксплуатации и ограблению советских людей, вовлечение в борьбу против захватчиков самых широких масс населения. Коммунистиче-

⁸ А. Ф. Юденков. Указ. соч., стр. 176—177, 180—181.

⁹ Государственный архив Смоленской области (ГАСО), ф. 2361, сп. 5, д. 80, л. 9.

¹⁰ Н. И. Макаров. Указ. соч., стр. 84.

¹¹ А. Ф. Юденков. Указ. соч., стр. 227, 231, 235, 239—241, 243.

¹² Подробнее об оккупационном режиме в сельских местностях см. В. М. Гриднев. Разработка фашистской Германией планов оккупационного режима в сельских местностях Советской России (1940—1941 гг.). «Вопросы истории», 1970, № 5; его же. Немецко-фашистский оккупационный режим в сельской местности западных и северо-западных районов РСФСР (1941—1944 гг.). «История СССР», 1972, № 1.

ская партия придавала огромное значение разворачиванию этих форм борьбы.

Широко распространенной и действенной формой борьбы крестьян против оккупационного режима был саботаж, принявший массовый характер. Сопротивление экономическим мероприятиям немецко-фашистских военных и хозяйственных органов с самого начала оккупации стало повсеместным. Способы борьбы менялись в зависимости от сложившейся обстановки. Сельское население отказывалось сдавать гитлеровцам продукты, платить налоги, работать в поле, на строительных объектах, служить полицейскими, старостами. Крестьяне угоняли коров, свиней, лошадей в леса и прятали их от гитлеровцев, не подчинялись приказам военных и хозяйственных органов оккупантов, требовавших сдачи скота. Бургомистр Ершичской управы (Смоленская область) жаловался коменданту полевой комендатуры в начале февраля 1942 г., что крестьяне деревни Ржавец отказались сдать коров, предназначенных в пищу немецким солдатам. В конце января 1942 г. 12 крестьян Ершичского района за нарушение приказов оккупационных властей (убой животных, рубка леса и др.) уплатили 3 тыс. руб. штрафа¹³. По указанию подпольного райкома ВКП(б) в Демидовском районе крестьяне, пользуясь отсутствием здесь оккупационных войск, днем и ночью убирали хлеб. Собранный урожай удалось надежно спрятать, а затем переправить в советский тыл. Крестьяне деревень Елесенки, Миховичи полностью убрали рожь. Свыше 80 ц зерна было вывезено ими с оккупированной врагом территории и сдано на склады временного хранения и государству (45 ц). Колхозники из деревень Андронкино, Подмазки, Каменки и Каширы переносили на себе обмолоченное зерно через линию фронта в тыл наших войск¹⁴.

В тяжелых условиях оккупационного режима крестьяне оставались верны колхозному строю, с большой заботой относились к общественному имуществу, стремились уберечь его от разграбления. В Калининской области крестьяне Торопецкого района сумели спасти от полного разграбления оккупантами имущество более 80 колхозов. Кладовщица колхоза имени 1 Мая, Оленинского района, Е. П. Логунова спрятала от оккупантов 10 т зерна, а затем передала его партизанам. Колхозники Старицкого района сохранили 1370 лошадей, 3022 ц озимой ржи, 45349 ц картофеля¹⁵.

Крестьяне отказывались платить налоги, сдавать оккупантам продукты, не выполняли приказы о проведении сельскохозяйственных работ. Оккупационные органы оказывались бессильными сломить это сопротивление. Бургомистр Высоко-Борской волости (Ершичский район, Смоленской области) в докладной записке коменданту писал: «Прошу дать мне помощь по выполнению хлебозаготовки в деревне В. Борок ввиду того, что из плана ржи 122 ц выполнено 27 центнеров. Сам я не могу выполнить». В Кордовской волости крестьяне отказались явиться к бургомистру. За ними были посланы полицейские. По Юшковской волости план сдачи сельскохозяйственной продукции оккупационным властям был сорван. Не выполнялся и план подъема язи. Оккупационные власти применяли полицейские силы, чтобы изъять у населения денежные средства. Старшина Титовской волости (Глинковский район) совместно с полицейскими и старостой выезжал в деревню Беззаботье «для взыскания недоимок» с крестьян, отказавшихся платить налоги. У крестьянина И. Белякова (деревня Высоки того же района) за невыполнение поставок и налогов старшина волости с двумя полицейскими забрали корову, а его самого арестовали¹⁶.

¹³ ГАСО, ф. 2740, оп. 1, д. 15, лл. 30, 38.

¹⁴ П. И. Курбатова. Указ. соч., стр. 59.

¹⁵ «Народная война в тылу врага», стр. 151.

¹⁶ ГАСО, ф. 2740, оп. 1, д. 15, лл. 132, 151; ф. 2646, оп. 1, д. 1, лл. 107, 135; ф. 2576,

В декабре 1941 г. жители деревень Оредежского района, Ленинградской области, где активно действовал подпольный райком партии, практически не выполняли приказы оккупантов о сдаче продуктов, зерна, сена, соломы и оружия. Оружие было спрятано. На склады станции Оредеж крестьяне вывезли только незначительное количество хлеба, овощей и сена. Собранный урожай крестьяне распределили по трудодням и укрыли в надежных местах. Были созданы специальные продовольственные фонды для обеспечения партизан и выходящих из окружения красноармейцев¹⁷. Не менее активным сопротивлением оккупационной политике грабежа и эксплуатации было на Псковщине. Крестьяне всех волостей Лядского района с самого начала оккупации саботировали сдачу сельскохозяйственной продукции, заготовку дров для немецких войск. Хозяйственный отдел немецкой комендатуры в Лядах, чтобы ускорить заготовительные работы, издавал строгие распоряжения и приказы, обращая внимание на «слабую сдачу сена и соломы для обеспечения фуражом лошадей немецких войск», на «неудовлетворительную» сдачу льняных семян и дров. Оккупанты предполагали получить в районе по 70 кг льняного семени с гектара к концу февраля 1942 г., но и к концу марта поставки не были выполнены¹⁸. Крестьяне Демянского района, Новгородской области, летом и осенью 1941 г. прятали сельскохозяйственную продукцию от немецких солдат (зерно, картофель закапывали в землю, скот уводили в леса). Гитлеровские солдаты применяли тактику внезапных налетов на деревни во время завтрака, обеда и ужина крестьян. Крестьяне, учитывая это, выставляли дозорных на дорогах, ведущих к селам. О приближении солдат дозорные быстро сообщали в село, и крестьяне прятали продукты¹⁹.

Саботаж сдачи сельскохозяйственной продукции нарастал из месяца в месяц. Фашистские военные и хозяйственные органы применяли по отношению к местному населению суровые меры. В связи с невыполнением поставок картофеля по Лядскому району, Псковской области, военный комендант в приказе от 15 мая 1942 г. объявил: «Кто до 25 мая 1942 г. не сдаст установленного картофеля, у того будет отобран скот»²⁰. Крестьяне деревень этого района не выполняли также поставок молока, сливок, яиц и других сельскохозяйственных продуктов, прятали их по пути следования к пунктам сдачи. В приказе немецкого коменданта от 7 июня 1942 г. отмечалась плохая сдача сельскохозяйственной продукции. «Если еще раз,— писал комендант,— в некоторых волостях будет известна нерегулярная сдача или произойдет пропаша в пути следования их в Ляды, то из такой волости будет взято определенное количество коров»²¹. Многочисленные факты отказов сдавать оккупантам сельскохозяйственные продукты имели место и в других районах.

В связи с этим военные и хозяйственные оккупационные органы не только публиковали грозные приказы, но и осуществляли жестокие репрессии по отношению к мирному населению. 21 января 1942 г. был расстрелян В. Григорьев, крестьянин из деревни Москота, Выставской волости, Порховского района, Псковской области, «за саботаж и враждебное отношение к немецким властям»²². Хозяйственный комендант Солецкого района, Новгородской области, в приказе по району 11 апреля 1942 г. писал: «Хозяйственное командование вынуждено предупредить

оп. 1, д. 2, лл. 20, 29. Немецко-фашистские захватчики заменили советское административное деление уездно-волостным в 1942 году.

¹⁷ Ленинградский партийный архив (ЛПА), ф. 0—116, оп. 2, д. 7, л. 86.

¹⁸ Государственный архив Псковской области (ГАПО), ф. 308, оп. 1, д. 13, лл. 31, 65, 83.

¹⁹ ЛПА, ф. 0—116, оп. 2, д. 7, л. 38.

²⁰ ГАПО, ф. 308, оп. 1, д. 1, л. 50.

²¹ Там же, д. 13, лл. 222, 235.

²² Там же, ф. 91, оп. 1, д. 1, л. 11.

граждан в последний раз, чтобы немедленно приступили к сдаче молока. Будет проведена контрольная подворная проверка. При обнаружении уклоняющихся от выполнения молокопоставок к такому будут приняты меры воздействия, — отдача под суд и будут отобраны коровы»²³. Военная и хозяйственная комендатуры Полновского района, проверявшие сдачу молочных продуктов по селам в августе 1942 г., обнаружили постоянное невыполнение сельскими жителями «норм сдачи молока». Приказ, подписанный военным комендантом майором Анготом и хозяйственным комендантом лейтенантом Лескином, гласил: «Неоднократные проверки выполнения норм сдачи молока по деревням Полновского района показали, что деревни эти норм не выполняют. Так как нормы сдачи молока всем хорошо известны, сообщаю в последний раз, что в случае несдачи молока, а также сдачи плохого молока, т. е. снятого или разбавленного водой, деревни будут наказаны отнятием коров. Это распоряжение касается всего подлежащего сдаче»²⁴.

Сбор сельскохозяйственной продукции по Новоржевскому району, Псковской области, также складывался неблагоприятно для фашистов. В сводке военной и хозяйственной комендатур на 10 октября 1942 г. говорилось о «безобразном положении» с выполнением поставок озимого и ярового зерна, картофеля, сена, соломы. Крестьяне Зареченской, Залужской, Посадниковской, Ладинской, Черноярвской, Юхновской, Алтунской, Леховской, Адорьевской волостей выполняли «нормы» на 2—5% или вообще не поставляли продукты. «Несмотря на то, что срок поставки картофеля истек, приближается зима, но ни одна волость не сдала даже 50%, — говорилось в приказе от 20 декабря 1942 г. — Некоторые, например, Черноярвская, Макаровская, Васьково-Иглинская, Леховская, не сдают ни одного процента картофеля. С выполнением поставок сена дело обстоит так же плохо, но особенно плохо с выполнением (поставок. — В. Г.) соломы»²⁵. Никакие угрозы и приказы не могли заставить крестьян сдавать установленные оккупантами «нормы» сельскохозяйственной продукции. В докладной записке военному коменданту от 27 июня 1942 г. сообщалось: «Крестьяне д. Букино, Логовещенской волости, Новоржевского района, слабо выполняют государственные поставки молока и яиц, несмотря на разъяснение и объяснение». Приказ оккупационных властей по району от 22 июля 1942 г. обязывал крестьян сдавать сельскохозяйственную продукцию, срок сдачи которой уже «истек», и содержал напоминание, что «план сдачи сена по волости срывается»²⁶.

В 1943 г. сопротивление крестьян оккупационному режиму в форме отказа от сдачи сельскохозяйственной продукции значительно усилилось. Подпольные партийные организации призвали крестьян тщательно прятать сельскохозяйственную продукцию от оккупантов. Об этом писала подпольная газета «Псковский колхозник» в 1943 году²⁷. Обращение подпольных партийных организаций нашло широкий отклик у сельских жителей. Они еще чаще нарушали сроки поставок, прятали хлеб, портили зерно, чтобы только не сдавать его оккупантам. Об этом свидетельствуют приказы оккупационных властей²⁸.

Крестьяне Сошихинского района, Псковской области, не сдали 700 т зерна, что снизило обеспечение хлебом фашистских войск. В приказах оккупантов хозяйственным органам вменялось в обязанность «строжайшим образом» следить «за выполнением сдачи заготовок молока и яиц в установленные сроки, строго наказывать за невыполнение норм сдачи

²³ ЛПА, ф. 0—116, оп. 2, д. 58, л. 213.

²⁴ Там же, д. 60, л. 38.

²⁵ Там же, л. 518.

²⁶ Там же, д. 59, лл. 339, 347.

²⁷ Партийный архив Псковской области (ПАПО), ф. 1219, оп. 59, д. 5, л. 2.

²⁸ ГАПО, ф. 313, оп. 1, д. 1, л. 4; ф. 308, оп. 1, д. 1, л. 5; д. 2, лл. 9, 12.

сельскохозяйственной продукции». Огромной оказалась недоимка по поставкам в деревнях Ореховенской волости, Псковской области, в 1943 году. Ни одна из деревень не выполнила намеченные оккупантами нормы поставки зерна. К 13 марта захватчики недополучили из деревень Березица 825 кг хлеба, Полуяково—3 209 кг, Верхне-Ореховна—879 кг; недоимки по сдаче картофеля к 29 марта по волости в целом составляли 21 137 килограммов²⁹. Сельское население Верхне-Иглинской волости (Новоржевский район) к 15 января 1943 г. значительно недовыполнило «нормы» сдачи масла, яиц и шерсти за 1942 год. Оккупационные органы требовали от крестьян сдачи 4 222 кг масла, 22 880 шт. яиц, 486,7 кг шерсти, 471 кг лука. К указанному сроку оккупантам удалось собрать 1 536,1 кг масла, 5 549 шт. яиц, 84,2 кг шерсти и 189 кг лука. В специальном приказе немецких властей о поставках лука отмечалось, что «часть деревень к сдаче совсем не приступала, а деревни, сдавшие лук, план не выполнили»³⁰.

Военные и хозяйственные органы оккупантов отмечали, что крестьяне не желают сдавать сельскохозяйственную продукцию и находят всевозможные способы, чтобы ее прятать. В приказе командования 3-й танковой армии от 22 июня 1943 г. отмечалось, что «вследствие обширности территории невозможно изъятие сельскохозяйственной продукции без поддержки населения и еще менее возможен вывоз этой продукции. Крестьянин не заинтересован отдавать излишки продуктов, имеющихся у него сверх прожиточного минимума, и умеет мастерски скрыть их»³¹.

Однако в жесточайших условиях оккупационного режима не всегда удавалось скрывать сельскохозяйственную продукцию. Тогда советские люди шли на крайние средства: в борьбе с грабительскими планами военных и хозяйственных оккупационных органов по изъятию сельскохозяйственной продукции они прибегали к поджогам собранного урожая, потравам хлебов, сенокосных угодий. Немецкие комендатуры издавали специальные приказы, обязывающие все подчиненные им организации устанавливать охрану в тех местах, где могли быть поджоги. Комендант Лядского района 16 октября 1942 г. приказал «срочно... поставить ночную охрану на сенопункт, сливоотделительный пункт, риги с хлебом и т. д.», чтобы предупредить «случаи поджогов»³². Приказы о «необходимости усиления охраны более крупных зерновых запасов от огня» были опубликованы военной комендатурой и в Плюсском районе. Опасения оккупационных властей оказались ненапрасными. В докладе военному коменданту поселка Новоселье сообщалось о пожаре 13 сентября 1943 г. в деревне Аксово: «Сгорело гумно, где сушилась рожь немолоченная 740 кг. Кроме того, сгорела солома озимая в количестве 15 тыс. кг, льномяльная машина»³³.

Во многих деревнях оккупированных районов распространенной формой борьбы были потравы хлебов и сенокосных угодий (в Кагановской волости, в Солецком районе и т. д.). Как отмечали оккупационные власти, эти потравы носили «злостный характер». В деревнях Горско-Роговской, Полновской и других волостей Псковской области сельские жители пасли скот на сенокосных угодьях, объявленных «принадлежащими оккупационным властям»³⁴.

Серьезные затруднения оккупационным властям создавал отказ крестьян выполнять различные хозяйственные работы, участвовать в строи-

²⁹ Там же, ф. 308, оп. 1, д. 6, л. 17.

³⁰ ЛПА, ф. Р—116, оп. 2, д. 145, лл. 72, 83.

³¹ Материалы Чрезвычайной Государственной комиссии по расследованию и установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, хранящиеся в ЦГАОР СССР.

³² ГАПО, ф. 308, оп. 1, д. 13, л. 189.

³³ ЛПА, ф. 0—116, оп. 2, д. 193, л. 48; д. 145, л. 464.

³⁴ ГАПО, ф. 313, оп. 1, д. 15, л. 1; ЛПА, ф. 0—116, оп. 2, д. 58, л. 1; д. 59, л. 15.

тельстве военных объектов. На всей оккупированной территории западных и северо-западных районов РСФСР сельское население саботировало заготовку дров для немецких частей, находившихся на фронте, для штабов и военно-хозяйственных комендатур; отказывалось давать подписку о сотрудничестве с захватчиками; не признавало власть оккупантов. С самого начала оккупации военные и хозяйственные органы захватчиков испытывали серьезные трудности при решении этих важных для них проблем. В конце января 1942 г. каждая деревня Ореховенской волости (Лядский район) имела задолженность по сдаче дров. С 1 ноября 1941 г. по 15 апреля 1942 г. военная комендатура планировала получить 132 воза дров. На февраль было сдано 729 куб. м вместо 2 442³⁵. Крестьяне деревни Биряево (Солецкий район) отказались от участия в лесозаготовках³⁶. Сельское население упорно саботировало заготовку дров и вывозку древесины и в 1943 году. Старшины и старосты вынуждены были настаивать на уменьшении заданий. Старшина Великорецкой волости (Сошинский район) писал немецкому коменданту по поводу заданий на доставку дров: «Полностью этого плана выполнить ни в коем случае невозможно»³⁷.

Фашистские военные и хозяйственные органы рассчитывали использовать население оккупированных районов как бесплатную рабочую силу на всевозможных работах хозяйственного и оборонного характера. Осуществление этих планов сорвала массовая борьба крестьян, не склонивших головы перед поработителями, выступавших против намеченных гитлеровцами мероприятий. В приказе старшине Ромадановской волости (Глинковский район, Смоленской области) от 31 октября 1942 г. фашистский комендант угрожал: «В третий раз приказываю закончить заготовку и вывозку санно-колесного материала на р. Днепр для Смоленской санно-колесной мастерской. Рабочую силу, а также тягловую, направляйте в лес в сопровождении имеющейся у вас полиции. В случае невыполнения приказа к вам будут приняты самые строгие меры, как за срыв требующегося военного строительства»³⁸. Крестьяне Коренковской волости (Ершицкий район) на «срочные» оборонительные работы доставили в 1942 г. вместо 27 лошадей только 10. В мае 1942 г. в районном центре Ершичи оставили работы 46 крестьян. Жители Ново-Руднянской волости неоднократно срывали доставку лошадей, подвод и рабочих на строительные объекты фашистских захватчиков³⁹.

Уклонение от работы носило массовый характер, неповиновение оккупационным властям оказывали женщины. Так, крестьянка деревни Шемякино А. Иванова отказалась в январе 1942 г. выехать на работы в Остров (Псковская область). Не выполнила она и приказ явиться в уездное управление. Постановлением волостного старшины А. Иванова была оштрафована⁴⁰. О положении в деревнях Новоржевского района местные власти 26 мая 1942 г. докладывали начальнику жандармерии Новоржева: «Граждане деревни Большое Кузино являются подозрительными гражданами, а именно: 1) распоряжения уполномоченного деревни выполняются скверно; 2) люди по охране деревни не выделяют; 3) люди, назначенные к отправке по мобилизации в Германию, в день отправки скрылись; 4) распоряжения волостного управления не выполняются. В последнее время для передачи лошадей из деревни Кузино в другую деревню потребовался выезд полиции»⁴¹. Крестьянка Рудневской волости Н. Тимофеева, о которой старшина писал, что «она оказывает неподчинение по всем делам, сама не подчиняется и других агити-

³⁵ ГАПО, ф. 308, оп. 1, д. 13, лл. 43, 174.

³⁶ ЛПА, ф. 0—116, оп. 2, д. 59, л. 108.

³⁷ ГАПО, ф. 313, оп. 1, д. 4, л. 7.

³⁸ ГАСО, ф. 2576, оп. 1, д. 2, л. 109.

³⁹ Там же, ф. 2740, оп. 1, д. 15, л. 207; ф. 7524, оп. 1, д. 2, лл. 90, 320.

⁴⁰ ЛПА, ф. 0—116, оп. 2, д. 58, л. 44.

⁴¹ Там же, л. 340.

рует, чтобы не подчинялись», была оштрафована на 100 руб. «за неподчинение старосте своей деревни и за невыход на работу»; с А. Ефремова из деревни Рушино взыскивался штраф за «невыход на работу», с Г. Петрова из деревни Котно — «за отказ от поездки в Новоржев и вторичный отказ в поездке за лесоматериалами в село Выбор»⁴². В июле 1942 г. крестьяне деревни Шемякино (Солецкий район) Т. В. Васильева, В. И. Смирнов, М. М. Екимова, А. А. Кононова не вышли на дорожные работы. 30 июня 1942 г. население Сумецкой волости не явилось на торфоразработки⁴³. Таких примеров можно привести множество.

Немецкие военные и хозяйственные органы пытались заручиться поддержкой крестьян, брали с них расписки с обязательством оказывать содействие немецким властям. Но это встретило отпор со стороны крестьян. В январе 1942 г. в объявлении по Псковскому району оккупационные власти, отметив факт массового уклонения местного населения от работы, угрожали применением жестких мер, вплоть до расстрела, к тем, кто отказывается работать. «Случаи отказа от работы и злостного уклонения отдельных лиц от несения трудовой повинности,— говорилось в объявлении,— в настоящее время принимают совершенно недопустимый характер и становятся явлением обычного порядка, а принимаемые до сего времени меры борьбы с этим явно не достигают своей цели и не дают положительных результатов. Поэтому немецкие власти с 1 февраля вынуждены будут в этих случаях применять самые суровые меры, вплоть до расстрела»⁴⁴. Свои угрозы оккупанты приводили в исполнение.

Угрозы и репрессии оккупационных властей не сломили волю крестьян к сопротивлению. Они уходили с работ, скрывались в своих деревнях и в лесах, срывая тем самым планы фашистских захватчиков. Побегі приняли настолько массовый характер, что уездное управление Порховского района издало 23 июня 1942 г. приказ, осуждающий действия местных властей, которые, несмотря на неоднократные приказания и напоминания, не арестовали сбежавших с работы, «чем создали попустительство и массовое явление побегов с работы»⁴⁵. В конце 1942 г. повсеместно не выполнялись задания по заготовке дров, ремонту дорог, работы военного значения. В приказе по Лядскому району в ноябре 1942 г. отмечалось невыполнение распоряжений гражданского и военного управлений, срыв специальных и срочных работ на территории МТС и электростанций. В 1943 г. саботаж значительно усилился. В феврале крестьяне вообще прекратили работы на лесозаготовках. В марте по Ореховенской волости был сорван план лесозаготовок «по причине нежелания и отказа по наряду назначенных лиц». Волости Сошихинского района направили на торфоразработки 15 крестьян. На работы явилось только 7 человек, вскоре 4 из них бежали. Полиция проводила по деревням ночные облавы, чтобы вновь собрать посланных на работы⁴⁶.

Жители деревень Дедовичского района, Псковской области, систематически отказывались давать подводы. Капинская волость должна была посылать в районный центр ежедневно по 15 подвод, но не выполняла это распоряжение. Крестьяне деревни Полуяково, Лядского района, посланные для ремонта дороги в апреле, проработав 2 часа, бежали и больше на работу не вышли. Ремонт дороги затянулся до июня. В приказе от 15 июня 1943 г. оккупационные власти констатировали, что «ремонт дороги проходит плохо, к данной работе должны были приступить, но до сего времени не вывезено еще ни одного кбм»⁴⁷.

⁴² Там же, д. 59, л. 209; д. 193, л. 45.

⁴³ Там же, лл. 216, 217.

⁴⁴ ГАПО, ф. 313, оп. 1, д. 5, л. 13.

⁴⁵ Там же, ф. 91, оп. 1, д. 1, л. 6.

⁴⁶ Там же, д. 95, л. 95; ф. 308, оп. 1, д. 3, л. 20; ф. 313, оп. 1, д. 4, л. 4.

⁴⁷ Там же, ф. 94, оп. 2, д. 13, л. 9; ф. 91, оп. 1, д. 95, лл. 112, 120, 129.

Сельское население оккупационных районов не признавало власть фашистских захватчиков, различными способами выражало свою непокорность. В сообщении № 2 по Лядскому и Плюсскому районам, Псковской области, военное командование предупреждало население об ответственности за «неприветствование» немецких офицеров. Представители оккупационных властей вынуждены были признать, что крестьяне «не согласны с освобождением немецкими войсками от большевизма и не признают деятельность немецкого командования»⁴⁸. Отдельные крестьяне прямо заявляли оккупантам о нежелании подчиняться их приказам и даже угрожали старостам деревень. Житель деревни Загорье, Полновского района, Т. Кузьмин специальным распоряжением районной администрации был предупрежден, чтобы «прекратил угрозы по отношению старосты», иначе «будут применены самые жестокие меры»⁴⁹.

Сопrotивление оккупационному режиму проявлялось и в уклонении от службы в полиции, от назначения на должность старосты. Немецко-фашистские власти решали вопрос насильственными мерами. Фельджандармерия оккупированных районов Псковской области в сентябре 1942 г. приказала районным управлениям «ввиду отсутствия желающих поступить на работу в гражданскую полицию (ТОД) и в оборонительный отряд самозащиты оформлять население на службу в полицию принудительными средствами»⁵⁰.

Военные и хозяйственные органы постоянно получали заявления от крестьян об освобождении их от работы. Служивший полицейским Г. Федоров из деревни Верхне-Ореховна, Лядского района, написал в заявлении, что «не может работать полицейским», И. Евстигнеев из деревни Ореховна также просил «снять его с должности». Для того, чтобы не быть старостами, люди ссылались на неграмотность, слабое здоровье, придумывали и другие причины. Староста деревни Заборовье писал старшине волости: «Прошу ходатайства о снятии меня со старосты ввиду моей неграмотности, слабого характера и плохого зрения»⁵¹. В деревне Березица никто из крестьян не желал быть старостой. Назначенный на эту должность 16 февраля 1942 г. А. Иванов на следующий день написал заявление об освобождении его от этой службы. Администрация волости так и не смогла найти старосту. 5 августа 1943 г. старшина писал начальнику района: «Довожу до вашего сведения, что на сегодняшний день по деревне Березица не имеется старосты, вследствие чего исходящие распоряжения не исполняются. Все принимаемые меры мною о выборе нового старосты ни к чему не привели, так как все отказываются от данной работы». Старшина Ореховенской волости к заявлению от 12 апреля 1943 г. об освобождении его от работы приложил справки о плохом состоянии здоровья⁵². В конце декабря 1941 г. бургомистр Кузмичской волости (Смоленская область) докладывал начальнику полиции Ершичской управы: «Ваше распоряжение в подборе полицейских в количестве 10 человек получено. Одновременно сообщая, что в ряде населенных пунктов вызывали лиц, которые бы соответствовали для несения службы, но таковые своих согласий не объявляют, и полицейских на сегодняшний день не имеется. А поэтому прошу вашего указания по этому вопросу»⁵³.

Подпольные партийные организации, руководители партизанских отрядов уделяли большое внимание дезорганизации работы волостных и районных управлений, назначенных оккупационными властями. С этой

⁴⁸ ЛПА, ф. 0—116, оп. 2, д. 162, л. 25.

⁴⁹ Там же, д. 58, л. 356.

⁵⁰ Там же, д. 60, л. 242.

⁵¹ ГАПО, ф. 308, оп. 1, д. 18, лл. 8, 9, 13, 23.

⁵² Там же, лл. 14, 15.

⁵³ ГАСО, ф. 2720, оп. 1, д. 15, л. 14.

целью на должности старшин волостей и старост деревень они посылали наиболее преданных Советской власти людей. Районный комитет ВКП(б) Издешковского района, Смоленской области, действовавший в подполье, осенью 1941 г. направлял на работу в качестве старост и старшин проверенных людей. Только Андреевский подпольный комитет партии сумел внедрить в оккупационные органы свыше 60 человек⁵⁴. Работа подпольных партийных организаций в этом направлении немало способствовала срыву планов немецких хозяйственных организаций.

Против фашистских захватчиков боролись и дети колхозников. В Дзержинском районе, Смоленской области, в 1942 г. пионеры Н. Зуев, Н. Хлебников, Г. Коркин скрытно подбирались к немецким позициям, где были установлены батареи орудий и зениток, и сыпали в стволы песок, что приводило к разрывам стволов и порче орудий. В Лужском районе, Ленинградской области, А. Ермолов, А. Фролов, Г. Николаев, А. Котов срывали немецкие плакаты и объявления, просверливали отверстия в бочках с бензином, прокалывали шины автомобилей, прятали камеры, ключи, домкраты⁵⁵.

Массовое сопротивление крестьянства вызвала отправка советских граждан на работы в фашистскую Германию. Подпольные партийные организации развернули пропагандистскую работу среди мирного населения по разоблачению фашистских планов. Газеты и листовки, изданные массовыми тиражами, раскрывали замыслы оккупантов, помогали советским людям стать на путь противодействия мероприятиям фашистских захватчиков. Крестьяне отказывались являться на сборные пункты, прятались в лесах, вступали в партизанские отряды. Целые деревни уклонялись от отправки в Германию и открыто заявляли свой протест оккупационным властям. 27 мая 1942 г. военный комендант издал специальный приказ по Лядскому району, в котором грозил наказанием лицам, уклонившимся от поездки в Германию 2 апреля 1942 года. Немецкие власти не смогли выполнить первоначальный план отправки населения в фашистское рабство. Он был сорван в результате сопротивления местного населения. «Комендант надеется, — говорилось в приказе, — на хорошее выполнение приказа и отсутствие саботажа, который повлечет за собой наказание». Угрозы немецкого коменданта не поколебали воли советских людей. В конце ноября 1942 г. положение с отправкой в Германию оставалось прежним. 23 ноября, обращаясь к старшинам волостей Лядского района, комендант вновь приказал представить списки крестьян, уклонившихся от поездки в Германию, для привлечения их к принудительным работам⁵⁶.

Крестьяне деревень Рябуха, Малые Лужки, Дубня, Сосновицы, Смолино, Верхоручье, Чертены, Дновского района, Псковской области, в ноябре 1943 г. отказались ехать в Германию. В сведениях, полученных оккупационными властями, было сказано: «В деревне Малые Лужки желающих нет», «из деревни Дубня желающих нет», «добровольно желающих в Германию по деревне Сосновицы нет», «добровольно желающих по деревне Смолино не нашлось», «желающих по деревне Верхоручье нет», «желающих по деревне Чертены не имеется»⁵⁷. Крестьяне деревни Килпия, Новосельского района, в октябре 1943 г. также отказались от поездки в Германию⁵⁸.

Фашистские оккупанты совершали массовые убийства советских людей, применяли насилие. За неподчинение немецким военным и хозяйст-

⁵⁴ «Очерки истории Смоленской партийной организации КПСС», стр. 322.

⁵⁵ Отдел рукописных фондов Института истории СССР АН СССР, оп. 2, д. 2, л. 19; ЛПА, ф. 0—116, оп. 9, д. 1357, л. 88.

⁵⁶ ГАПО, оп. 1, д. 13, лл. 168, 248.

⁵⁷ Там же, ф. 100, оп. 3, д. 39, лл. 2, 4, 8.

⁵⁸ ЛПА, ф. 0—166, оп. 2, д. 145, л. 494.

венным органам на захваченной территории Новгородской области было расстреляно 6513, повешено 430, умерло после истязаний и пыток около 5 тыс. мирных граждан. Около 6 тыс. человек подверглось арестам, побоям и насилиям⁵⁹. На оккупированной территории Псковской области в результате репрессий немецко-фашистских войск было уничтожено множество деревень вместе с их жителями. Из 406 деревень Псковского района гитлеровцы уничтожили 325. Среди них деревни Загорье, Подгорье, Туриново, Пестово и многие другие. В Середкинском районе полностью было уничтожено 179 деревень, в Плюсском — 45 населенных пунктов. Оккупанты расстреляли на территории области около 18 тыс., повесили 132, заживо сожгли около 2 тыс., арестам, насилиям и побоям подверглось около 7 тыс. человек⁶⁰. За время оккупации районов Ленинградской области фашистские захватчики уничтожили более 2 тыс. деревень и сел, расстреляли свыше 6 тыс., повесили около 1 тыс. человек, свыше 17 тыс. подверглось арестам, насилиям, побоям, около 24 тыс. человек умерли после истязаний и пыток⁶¹. Методами террора немецко-фашистские военные и хозяйственные органы пытались запугать советских людей, сломить их волю к борьбе. Но добиться этого гитлеровцам не удалось.

Крестьяне западных и северо-западных районов РСФСР, так же как и всех других временно оккупированных районов страны, в тяжелых условиях оккупационного режима, постоянно находясь под угрозой смертельной опасности, горячо верили в освобождение от гитлеровских захватчиков, в непобедимость Советской Родины. Эта вера вдохновляла их на борьбу против фашистского ига.

Борьба советских крестьян против оккупационного режима — это движение снизу самих масс, воспитанных партией в духе преданности Советской Родине, социалистическому строю. Эта борьба являлась базой народной войны против захватчиков, обеспечивала эффективность мероприятий подпольных партийных организаций, успех партизанского движения. Сельское население оккупированных районов СССР применяло самые разнообразные формы борьбы против гитлеровцев. В ходе ее со всей силой раскрылся характер советского человека — человека социалистического общества, его мужество, смелость, высокое чувство патриотизма, любви и преданности своей Родине.

⁵⁹ ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 34, д. 759, л. 8.

⁶⁰ Там же, оп. 39, д. 455, лл. 23, 24, 26.

⁶¹ Там же, оп. 30, д. 1611, лл. 3, 7.